

ЗИНАИДА ГИППИУС

БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКИЕ
ВОДЫ

Зинаида Гиппиус
Беллетристические воды

«Public Domain»

1912

Гиппиус З. Н.

Беллетристические воды / З. Н. Гиппиус — «Public Domain»,
1912

«Литературное однообразие огорчает и лишает сил. Чувствуешь, что и сам должен быть однообразен, если хочешь оставаться правдивым. Читаю одну книгу за другой, и все кажется, что перечитываю. Волей-неволей и писать приходится то, что уже писал. Какая была бы радость встретить свежую мысль, молодое слово. Но не встречаешь. И поднимается порою несправедливая, огульная ненависть к „современной литературе“. Боже мой! Да не хочу я писать о всех этих Ковалевских, Розовых, Брусяниных, – но и об Арцыбашевых, Куприных, Горьких тоже не хочу. Начинает казаться, что самый гениальный роман Арцыбашева (если б и был такой) не стоит единого вздоха человеческого. Пропади она пропадом, „литература“...»

© Гиппиус З. Н., 1912

© Public Domain, 1912

Зинаида Гиппиус Беллетристические воды

Литературное однообразие огорчает и лишает сил. Чувствуешь, что и сам должен быть однообразен, если хочешь оставаться правдивым. Читаю одну книгу за другой, и все кажется, что перечитываю. Волей-неволей и писать приходится то, что уже писал. Какая была бы радость встретить свежую мысль, молодое слово. Но не встречаешь. И поднимается порою несправедливая, огульная ненависть к «современной литературе». Боже мой! Да не хочу я писать о всех этих Ковалевских, Розовых, Брусяниных, – но и об Арцыбашевых, Куприных, Горьких тоже не хочу. Начинает казаться, что самый гениальный роман Арцыбашева (если б и был такой) не стоит единого вздоха человеческого. Пропади она пропадом, «литература».

Это, конечно, мгновенное «настроение», по жаль, что современные книги могут порождать такие настроения.

Всего проще и благоразумнее делать то, что делают сейчас «беллетристические» критики во всех толстых и нетолстых журналах: берут десять книжек и пишут десять рецензий, не заботясь о разнообразии, – напротив: сначала о содержании, затем о языке и стиле, а в конце несколько готовых фраз или поощрительных, или снисходительных, или осудительных. Этим убивается три зайца: 1) журнал дал отклик;

2) автору приятно (даже если фразы и осудительные);

3) читатель знает содержание и может не покупать книги. Я к такому способу критики как-то неспособен. Мне книжки мало, – все хочу найти в ней живую душу автора, – но и автора мне мало: является желание открыть связь его с общей душой литературы. И когда связи не можешь (не умеешь?) открыть – овладевает печальное и бессильное уныние.

Есть еще способ прогнать уныние: смириться. Утешить себя тем, что однообразие – кажущееся; а если и не кажущееся – в свое время минет. Кто-то из критиков недавно упрекнул меня, что я «презрительно» выкидываю тех писателей, которые, по моему мнению, вне литературы (куда же я их выкидываю, раз они уже вне литературы?), и приводит, для поучения, слова Чехова: «Без армии, без солдат и генералов бы не было». (Без солдат – да, но какой же солдат – Борис Розов? Безрукий человек. С ним не повоюешь.) Однако для утешения, можно внять и упреку недовольного критика: не требую ли слишком многого? Надо смириться, малым довольствоваться.

Как-никак – меня все-таки влечет к литературным «генералам»; от них я не без права требую много; требую – и не получаю. В последнее время особенное недоумение возбуждает во мне Максим Горький. Именно недоумение, и, кажется, не во мне одном. Что происходит?

Пишет Горький очень много. Столько не писал никогда, даже в минуты своего расцвета. Во всех сборниках «Знания» (и не «Знания») его романы, повести, рассказы; и во всех, кажется, толстых журналах, начиная древним «Вестником Европы» и кончая новыми (новыми ли? не ветхими ли?) «Заветами». Почтенная работоспособность. К тому же, по совести должен сказать, все последние романы, повести, рассказы Горького – очень хорошо написаны. Сочным языком, с яркими художественными описаниями природы. Романы чуточку похуже, рассказы чуточку получше, – но в общем все хорошо.

И что же? Да ничего. Тут-то и недоумение мое, и загадка: из всего этого хорошего – большое Ничего. Такое впечатление производят последние работы Горького вовсе не на меня одного, но и на читателей разнообразных кругов, на критиков различных способностей и вер. Самые доброжелательные из последних, как ни стараются хвалить, – выходит вяло, через силу, без малейшего пафоса. Бывали попытки «объяснить» вещи Горького, – и тоже ничего не вышло. Что тут объяснять, все как будто слишком ясно; а при этом как будто нет смысла. И художественно (внешне), и поучительно в тенденциозности (внутренно), и ни малейшего сомнения,

что все оно «ни к чему». Какая-то одеревенелость души чувствуется за словами, машинное однообразие, стук молотка. Кто увидит, запомнит Максима Кожемякина, Макара, кто приметил Тиунова, Смагина, Баунова? Что они говорили? Что с ними случилось? Неизвестно. Упали в забвение, едва родившись. Еще слава Богу, что есть кое-где, в повестях, явная обрывчатость, недоконченность, сдавленность: это последний признак жизни, – если не произведения, то автора. Как будто зрячее отчаяние и отвращение на секунду охватили его душу, и он отталкивает недописанные листы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.